

Кто дальшихъ страпъ пересѣчетъ границы,
Увидить многое,—о чемъ не грезилъ онъ
И ровсказни его сочтутъ за небылицы,
И именемъ лжеца онъ будетъ заклейменъ.

Но вѣрить мнѣ, иль нѣтъ,—мнѣ будетъ безразличенъ
Безсмысленной толпы,—пустой и глупый смѣхъ...

A r i o s t o. *Orlando Furioso*. Пѣс. VII.

Въ первый разъ—пять недѣль тому назадъ на Корридѣ, когда черный быкъ Міуры ранилъ въ руку маленькаго Квинито...

И въ слѣдующее воскресенье опять, а также и въ послѣдующее... На каждомъ боѣ быковъ встрѣчалъ я его. Я сидѣлъ внизу, въ первомъ ряду, чтобы дѣлать снимки; его абонементное мѣсто находилось рядомъ съ моимъ. Маленькій человекъ въ круглой шляпочкѣ и черной одеждѣ англійскаго патера. Блѣдный, безусый, на носу золотыя очки. И что-то еще—у него не было рѣсницъ.

Я сразу обратилъ на него вниманіе. Когда первый быкъ подиалъ на рога гнѣдую клячу, и съ нея грузно свалился длинный пикадоръ, когда лошаденка съ трудомъ вскочила на ноги, заковыляла съ распоротымъ брюхомъ, наступая ногами и путаясь въ своихъ, волочившихся по песку, окровавленныхъ внутренностяхъ... тутъ я услышалъ возлѣ себя тихій вздохъ... точно вздохъ... удовольстворенія.

Днемъ мы сидѣли рядомъ, но не обмѣнялись ни единымъ словомъ. Красивая игра бандериллеровъ его 7

мало интересовала. Но когда эспада вонзалъ свой клинокъ въ затылокъ быка, и рукоятка какъ крестъ водружалась надъ могучими рогами,—онъ хватался руками за перила и низко перегибался. Gauchos— вотъ что было для него самымъ главнымъ. Когда кровь фонтаномъ била изъ груди лошади или когда чулось, ударомъ кинжала въ темя, приканчивалъ смертельно-раненое животное, когда разъяренный быкъ растерзывалъ на аренѣ лошадиныя трупы, зарываясь рогами въ ихъ вѣлющія внутренности... тогда этотъ человѣкъ нѣжно потиралъ руки.

! Однажды я спросилъ его:

! — Вы горячій поклонникъ боя быковъ, вы... аффиціонадо?

Онъ кивнулъ, не проронивъ ни одного слова; онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь мѣшалъ ему смотреть.

Гренада невелика и я скоро узналъ его имя. Онъ былъ духовникомъ маленькой англійской колоніи. Его соотечественники постоянно называли его «попомъ». Повидимому, его считали невольнѣ нормальнымъ. Съ нимъ никто не водилъ знакомства.

! Въ одну изъ средъ я посѣтилъ бой пѣтуховъ. Маленькій круглый амфитеатръ съ возвышающимися рядами скамеекъ. Въ серединѣ, какъ-разъ подъ стекляннымъ просвѣтомъ—арена. Запахъ толпы, плевки, харканье... Нужна большая рѣшимость, чтобы войти

туда. Приносятъ двухъ пѣтуховъ, они похожи на курицъ: имъ отрѣзали гребешки и хвосты. Ихъ взвѣшиваютъ и вынимаютъ изъ клѣтокъ. И они, какъ безумные, бросаются другъ на друга. Всюду летаютъ перья; снова и снова они кидаются другъ на друга, беспощадно бьются клювами и шпорами... не издавая ни звука. Лишь кругомъ, человѣческій скотъ—оретъ, горланить, шумить играетъ.— Ага, желтый выклевалъ бѣлому глазъ, хватаетъ его съ земли и проглатываетъ!— Головы и шеи животныхъ, давно уже ощипанные и истерзанные, какъ красныя змѣи, качаются на ихъ тѣлахъ. Они ни на секунду не отстаютъ другъ отъ друга, пурпуромъ окрашиваются ихъ перья; формы уже почти неузнаваемы; какъ два кровавыхъ кома заклевываютъ себя птицы. Желтый потерялъ оба глаза, слѣпо размахиваетъ по воздуху, а клювъ другого ежесекундно врубается ему въ голову. Наконецъ, онъ сваливается; безъ сопротивленія, безъ крика боли предоставляетъ онъ своему врагу окончить дѣло. Это не такъ скоро; минутъ пять—шесть нужны для этого бѣлому, онъ самъ измученъ на смерть ударами шпоръ и клевками.

Вотъ они сидятъ вокругъ, мнѣ подобныя, хочутъ падъ безсильными ударами побѣдителя, кричатъ ему и считаютъ клевокъ за клевкомъ... ради игры.

Наконецъ! Тридцать минутъ—установленная норма—прошли, бой оконченъ. Подымается дѣтина, владылецъ побѣждающаго пѣтуха, и съ злораднымъ смѣ-

хомъ добываетъ птицу своего противника: право это принадлежит ему. И вотъ животныхъ берутъ, обмываютъ у колодца и считают ихъ раны... ради игры.

Вдругъ кто-то дотронулся до моего плеча.

— Какъ поживаете?—спросилъ попъ. Его оголенные водянистые глаза весело улыбались за широкими стеклами.

— Вамъ нравится это, не правда ли?—продолжалъ онъ.

Въ первый моментъ я не понялъ, говоритъ ли онъ серьезно или шутить? Его вопросъ казался мнѣ настолько оскорбительнымъ, что я уставился на него глазами, не промолвивъ ни слова.

Но онъ не понялъ моего молчанія, принялъ его за знакъ согласія, — настолько онъ былъ убѣжденъ.

— *Да,* — произнесъ онъ спокойно и тихо, — *это наслажденіе.*

Насъ оттѣснили другъ отъ друга, на арену вынесли новыхъ дѣтуховъ.

Въ тотъ же вечеръ я былъ приглашенъ на чашку чая къ англійскому консулу. Я пришелъ аккуратно и оказался первымъ гостемъ.

Въ то время какъ я здоровался съ нимъ и съ его старой матерью, онъ крикнулъ мнѣ:

— Я радъ, что вы пришли такъ рано, я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Вполнѣ къ вашимъ услугамъ,— отвѣчалъ я, смѣясь.

Придвинувъ мнѣ качалку, консулъ заговорилъ съ странной серьезностью:

— Я далекъ отъ того, чтобы читать вамъ наставленія, дорогой мой! Но если вы намѣрены остаться здѣсь на болѣе долгое время и сохранить свои связи съ обществомъ, не только съ англійской колоніей, то я бы далъ вамъ дружескій совѣтъ.

Я старался догадаться, къ чему онъ клонить.

— А именно?—спросилъ я.

— Васъ часто видѣли съ нашимъ священникомъ...

— Простите!— перебилъ я консула.— Я его знаю очень мало. Сегодня днемъ мы впервые обмѣнялись нѣсколькими словами.

— Тѣмъ лучше!— возразилъ онъ.— И я бы посоветовалъ вамъ, по возможности, избѣгать этого знакомства, по крайней мѣрѣ публично.

— Благодарю васъ, господинъ консулъ,— сказалъ я.— Будетъ ли нескромно, если я спрошу о причинахъ?

— Конечно, я обязанъ вамъ дать объясненіе,— отвѣчалъ онъ,— но не думаю, чтобы оно васъ удовлетворило. Погъ... вы знаете, что его называютъ этимъ сокращеннымъ именемъ?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Ну такъ вотъ,— продолжалъ онъ,— погъ этотъ не пользуется уваженіемъ въ обществѣ. Онъ регулярно посѣщаетъ бон быковъ—это бы еще ничего— 11

не пропускаетъ ни одного пѣтушинаго боя; словомъ, одержимъ страстями, въ силу которыхъ присутствіе его среди европейцевъ является фактически невозможнымъ.

— Но, господинъ консулъ!—воскликнулъ я,—если его такъ сильно осуждаютъ за это, то на какомъ основаніи оставляютъ его на такомъ, безъ сомнѣнія, почтенномъ посту?

— Все-таки... Онъ—«преподобіе»,— сказала старая дама.

— А къ тому же,—подтвердилъ консулъ,—за всѣ тѣ двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ прожилъ здѣсь на мѣстѣ, онъ не далъ ни одного хотя бы ничтожнаго существеннаго повода къ жалобѣ. И, наконецъ, мѣсто священника въ нашемъ маленькомъ, приходѣ наиболѣе скудно оплачивается на всемъ континентѣ... Намъ не такъ легко было бы найти замѣстителя. !

— Слѣдовательно, его проповѣдями вы довольны?—обратился я къ матери консула, стараясь, насколько возможно, подавить коварную улыбку.

Старая дама выпрямилась въ креслѣ.

— Никогда бы я не позволила ему произнести въ церкви хотя одно его собственное слово,—сказала она рѣшительнымъ тономъ.— Каждое воскресенье онъ читаетъ одинъ и тотъ же текстъ изъ книги проповѣдей Дина Гарлея.

Отвѣтъ этотъ нѣсколько смутилъ меня и я замолчалъ.

12 — Впрочемъ,— снова началъ консулъ,— было бы

несправедливо не упомянуть и о хороших сторонахъ попа. У него немаленькое состояніе, проценты котораго расходуются имъ исключительно на благотворительныя дѣли, въ то время какъ онъ самъ, не касаясь его злосчастныхъ страстей, живетъ не только скромно, но даже бѣдно.

— Хороша благотворительность! — прервала его мать. — Кого же онъ поддерживаетъ? Репныхъ тореадоровъ и ихъ семьи или, пожалуй, жертвъ сальзы.

— Жертвъ... чего? — спросилъ я.

— Моя мать говоритъ о «*Salsa de Tomates*», — пояснилъ консулъ.

— Томатнаго соуса? — повторилъ я. — Попъ поддерживаетъ жертвъ томатнаго соуса?

Консулъ улыбнулся. Потомъ онъ заговорилъ очень серьезно: |

— Вы никогда не слышали о такой сальзѣ?.. Рѣчь идетъ о древнемъ, страшномъ обычаѣ въ Андалузiи, сохранившемся, къ сожалѣнію, вплоть до нашихъ дней, несмотря на наказанія, налагаемые за это церковью и судьями. За время, какъ я состою консуломъ, такая сальза, какъ доказано, дважды состоялась въ Гренадѣ; но и тогда не удалось дознаться ближайшихъ подробностей, ибо соучастники, несмотря на практикующіяся въ испанскихъ тюрьмахъ рѣшительныя средства, охотнѣе бы согласились откусить себѣ языкъ, чѣмъ проропить словечко. Вотъ почему я въ состояніи сообщить лишь неточныя, а можетъ-быть, даже и невѣрныя свѣдѣнія; если же васъ интересуетъ эта ужас-

ная тайна, то попросите рассказать вамъ о ней попа. Ибо его считаютъ, впрочемъ, не имѣя доказательствъ, приверженцемъ этой чудовищной мерзости; вотъ это подозрѣніе и есть *главная причина, почему съ нимъ избѣгаютъ встрѣчаться!*

Вошло нѣсколько гостей, нашъ разговоръ былъ прерванъ.

Въ слѣдующее воскресенье я захватилъ на бой быковъ нѣсколько особенно удавшихся фотографическихкихъ снимковъ съ послѣдней Корриды. Я хотѣлъ ихъ подарить ему, но онъ даже и не взглянулъ на нихъ.

— Простите, — сказалъ онъ, — но это меня вовсе не интересуесть.

Я сдѣлалъ видъ, что удивился.

— О, я не хотѣлъ васъ обидѣть! — пробормоталъ онъ. — Видите ли: то, что я люблю — это красный цвѣтъ, красный цвѣтъ крови.

Это прозвучало почти поэтически, когда этотъ блѣдный аскетъ произнесъ: *«Красный цвѣтъ крови»*.

Но мы разговорились. И въ разговорѣ я совершенно внезапно спросилъ его:

— Мнѣ страшно хотѣлось бы посмотреть «сальзу», не возьмете ли вы меня какъ-нибудь съ собой?

Онъ замолчалъ, его блѣдныя истрескавшіяся губы дрожали.

Затѣмъ онъ спросилъ: — «Сальзу»?.. Развѣ вы знаете, 14 что это такое?